

Проклятие солнца

Ник Ланд

Главный редактор, издательство Urbanatomy Media.
Адрес: 42 Luyuan rd, Bldg 2, 510000 Guangzhou, China.
E-mail: ccruoo@hotmail.com.

Ключевые слова: Жорж Батай; солярная экономика; иллюминация; черное солнце; бесполезная растрата; каление; радиация; солярное соучастие.

Статья посвящена разбору проекта общей, или солярной, экономики Жоржа Батая через последовательное раскрытие мифа о платоновской пещере. Миф о пещере впервые выводит солнце на философскую сцену, совмещая вопросы существования и знания со сферой владения света и глаза. Это совмещение предполагает, что удержать онтологию всех вещей означает прежде всего увидеть ее, быть способным выйти из поля слабого глаза — глаза, способного фиксировать только тени (и тени теней), — к полю сильного (перформативного) глаза, чье видение совпадает с Благом (как основным принципом всего сущего). Платоновский миф, повествующий об иллюминациях Блага, впервые схватывает солярную экономику. Однако, по словам автора, он неправильно трактует ключевой момент обращения к солнцу, рассматривая его в логике чистого, ничем не загрязненного видения.

Солярная экономика не совпадает с работой иллюминации, но, скорее, отщепляется от нее, демонстрируя тот момент, что там, где начинается подлинное солнце, там расплавляется глаз. Тогда солнце — это прежде всего черное солнце, солнце каления, а не (пр)освещения. Автор пытается осмыслить подобного рода черную солярную экономику, рассматривающую иллюминацию лишь как эпифеноменальную петлю, не отрицающую неумолимость однонаправленности солнца. Солярное — это одна неизбежная История, рассказываемая не человеческими устами (и выскальзывающая из чисто человеческого различия «фактов» истории и «не-фактического» вымысла). У этой Истории только один, предельный и катастрофический, финал, священный с кульминацией, избытком всеобщей растраты, подвергающей аннигиляции все существующее, поскольку оно есть не более чем онтологическая версия накопления.

Именно зеленые части растений твердой земли и моря непрерывно присваивают важную часть светящейся энергии солнца. Именно так свет — то есть солнце — производит нас, оживляет нас и порождает избыток. Этот избыток и это оживление — следствия света (мы в конечном счете не что иное, как следствие солнца). <...>

Солнечный луч, *который есть мы*, в конечном итоге восстанавливает свою природу и смысл солнца: необходимо, чтобы он отдавался, *терял себя бескорыстно*.

Жорж Батай. Экономика по мерке вселенной¹

Народы древней Мексики помещали человека в лучах вселенской славы: солнце было плодом жертвенного безумия...

Жорж Батай. Границы полезного²

НЕТ БОЛЕЕ известной философской притчи, чем описанная Платоном в седьмой книге «Государства», когда Сократ рассказывает Главкону о своем странном сне. Все начинается в «подземном жилище наподобие пещеры»³, где сидят люди в кандалах, сокрытые от солнечного света, а головы их закованы, так что они не видят ничего, кроме теней, отбрасываемых огнем на стену. Восхождение к прямому солнечному свету сквозь множество слоев иллюзий — сильнейший миф философского проекта, но, помимо этого, здесь описывается политическая борьба, а Сократ предвосхищает собственную смерть. Обитатели пещеры защищают свое невежество с такой жестокостью, что Сократ задается вопросом:

Перевод с английского Виля Аюпова по изданию: © Land N. The Curse of the Sun // Idem. The Thirst for Annihilation: George Bataille and Virulent Nihilism. L.; N.Y.: Routledge, 1992. P. 27–34. Публикуется с любезного разрешения издателя.

1. Bataille G. L'économie à la mesure de l'univers // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. VII. P. 10.
2. Батай Ж. Границы полезного // Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 243.
3. Платон. Государство // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 295.

А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?⁴

Главкон сразу же соглашается с его предположением. Подобная жестокость не носит одностороннего характера. Ведь интерес философа к теме солнца, в конце концов, продиктован не только стремлением к знанию. Засвидетельствовать солнце — значит приобрести особый тип выгоды и особое право; это значит получить свыше (сколь угодно неохотно) приглашение к правлению:

Тогда государство будет у нас с вами устроено уже наяву, а не во сне, как это происходит сейчас в большинстве государств, где идут междоусобные войны и призрачные сражения за власть, — будто это какое-то великое благо. По правде же дело обстоит вот как: где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего и распри отсутствуют полностью; совсем иначе бывает в государстве, где правящие настроены противоположным образом⁵.

В этой истории спутываются свет, желание и политика, заплетаются в темноте узлом. Ибо есть в Сократе нечто прометеевское — попытка изъять мощь солнца. Батай писал:

Орел одновременно есть животное Зевса и животное Прометея, если не сказать, что Прометей сам есть орел (Прометей-богоборец), готовый украсть огонь с небес⁶.

Смотреть на солнце прямо, без вмешательства экранов, отражений и метафор, «смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других ему чуждых средах»⁷, — европейская мечта, которая наиболее точно рифмуется с валоризацией истины. Любое устремление или воление воссоздает желание (влечение) на уровне репрезентации, но тоска по беспрепятственному наблюдению солнца есть нечто большее; это телеологическая консолидация репрезентации как таковой. Солнце — это чистая иллюминация, одновременная с истиной, идеальная сплоченность знания с реальностью, тожде-

4. Там же. С. 298.

5. Там же. С. 301–302.

6. *Bataille G. Dossier des Œeil pinéal // Œuvres complètes. Т. II. Р. 40.*

7. *Платон. Указ. соч. С. 297.*

ство внешнего и его манифестации. Созерцание солнца было бы неоспоримым подтверждением просвещения.

Зрение того, кто созерцает золотую ярость солнца, рассекается на обрывки света и тьмы. Белое солнце — сгусток клочков света, эфемерно парящих на границе ослепления. Это солнце озаряет, дает то, что мы можем удержать; это солнце, чье изливание для наших тел — питание, а для глаза — (усвояемое) ощущение. Солнце Платона такого же рода, оно дистиллировано, перед нами квинт-эссенция чистоты, метафора красоты, истины и добра. Когда в холодные месяцы природа увядает и уходит на покой, мы ждем возвращения такого солнца во всем его свечении. Щедрость осени, по-видимому, возносит солнцу свое почтение, как это делали древние. Смешанное с питательным свечением как самая его сердцевина, есть и другое солнце: оно глубже, оно темное и заразное, о нем раздастся вопль Батая: «Солнце черно»⁸. От второго солнца — солнца проклятия — нам достается не освещение, а болезнь, потому как на любое его расточительство мы обречены ответить таким же расточительством. Мы выпиваем вкусы черного солнца, и они порождают в нас разрушительную страсть, подчиняют все чувства влечению к саморастрате. Если «в конечном счете солнце оказывается единственным объектом литературного описания»⁹, то дело не столько в его освещающем излучении, сколько в его вирulentности, в неопровержимом «факте», что «солнце есть не что иное, как смерть»¹⁰. Как же далеки слова Сократа — и его надежды на выгоду — от слов Батая: «тошнота бытия плевком изрыгает черное солнце»¹¹.

Чтобы адекватно описать понятие солнца с позиции того, кому необходимо его кастрировать вследствие беспомощности глаза, нужно сообщить, что поэтически это солнце несет смысл математической ясности и возвышенности духа. И напротив, если, вопреки всем обстоятельствам, кто-то будет в него всматриваться с достаточным упорством, в нем можно узреть определенное сумасшествие, и понимание солнца изменится, поскольку в свете становится видимым не производство, а выбрасывание (*le déchet*), то есть растрачивающее сгорание, весьма явно выраженное психологически посредством ужаса, высвобождаемого из накаленной дуговой лампы¹².

8. Bataille G. L'Archangélique // Œuvres complètes. T. III. P. 75.

9. Idem. La nécessité d'éblouir... // Œuvres complètes. T. II. P. 140.

10. Idem. L'Archangélique. P. 81.

11. Idem. O crâne... // Œuvres complètes. T. IV. P. 15.

12. Idem. Soleil pourri // Œuvres complètes. T. I. P. 231.

Накал не просвещает, но грубость философского инструмента «присутствия» атрофировала наши глаза до такой степени, что факт плотной материальности света едва ли достигает нашего интеллекта. Даже Платон признавал, что свет для нас (поначалу) есть боль из-за его «яркого сияния», которое «мучительно»¹³. Феноменология систематически вычеркивала даже это допущение. Хотя отнюдь не очевидно, почему именно оппозиция отсутствия/присутствия считается наиболее подходящей системой регистрации уровня интенсивного излучения. Мы как будто все еще эллины, интерпретируем зрение как обратное движение восприятия, а не как острое жжение сетчатки, причиненное экзогенными выбросами энергии.

* * *

Для нас все начинается с солнца, поскольку, как мы увидим дальше, даже пещера, даже лабиринт были порождены им. Свет в некотором смысле есть исток, но эту мысль надо хорошо обдумать. Наши тела напиваются солнцем задолго до того, как мы открываем глаза, ведь, пока глаза не совокупятся с солнечными излияниями, они — застывшие частицы солнца. Направление зависимости здесь предельно «ясно» (то есть летально): «солнечная энергия в критической точке последствий своего истечения есть человечество»¹⁴. Глаз является не истоком, а тратой.

Первый текст в полном собрании сочинений Батая на французском языке — это его первая опубликованная книга, «История глаза». Она впервые увидела свет еще под псевдонимом Лорд Ош (*Lord Auch*)¹⁵ в 1928 году, а значит, входит в круг ранних работ Батая наряду с «Солнечным анусом» (1931), «Гнилым солнцем» (1930) и посмертно опубликованным «Шишковидным глазом» (в рукописях значатся 1927 и 1931 годы). Общий мотив этих работ — подчинение зрения солнечной траектории, которая от него ускользает, опрокидывая репрезентативистский дискурс в темноту, неотделимую от его исторических устремлений.

«История глаза» (*Histoire*) — как его история (*history*), так и история о нем (*story*), а «Шишковидный глаз» — и художественный вымысел, и историческое описание. Всякая история чего-то есть также история о нем, но отсюда еще не следует, что последняя может при этом избежать воздействия первой или чего-то помимо нее, повергнув себя в слепоту, занявшую место ее первичной ре-

13. Платон. Указ. соч. С. 296.

14. Bataille G. L'économie à la mesure de l'univers. P. 14.

15. Вероятно, французское сокращение от ругательства *aux chiottes*, дословно — «(иди) в сортир». — Прим. пер.

презентации. «История глаза» достигает кульминации в эпизоде с иссечением глаза священника, который «соскальзывает» (*glisser*) в вульву «героини» книги Симоны: в первый раз посредством ее же руки, а во второй — руки сэра Эдмонда (английского развратника, *roué*). Так темная жажда, то есть подземное влечение солнца, вымарывает зрение, вливая его в ночной лабиринт плоти.

То же самое происходит и в «Шишковидном глазе»: раскрытие «глаза под стать солнцу» — подходящего его беспощадной полуденной кульминации — вызывает к вымарыванию, ослепляющему и сокрушительному падению. Истина солнца на пике его расточительной славы заключается в *необходимости бесполезной растраты*, где и небесное, и земное учиняют затмение рационального контроля. Завершая синонимичное с человечеством движение вверх и снабжая зрение надлежащей вертикальностью, шишковидный глаз венчает эпоху разума, а дальше открывается путь прямо к небу (где он немедленно лишается ядра, затопленный обжигающей грязью, которая представляет из себя истину солнца):

Свой глаз на макушке черепа я обозначил для себя в виде ужасного вулкана во время извержения, таким же тусклым и комическим знаком, каким обозначен зад с его выделениями. Но глаз — без сомнений, символ ослепляющего солнца, и тот глаз, который я представлял себе на макушке, обязательно был горящим, посвященным созерцанию солнца в точке максимального блеска (*éclat*)¹⁶.

Фекальный глаз солнца тоже оторван от своих вулканических внутренностей, и боль человека, вырывающего себе глаза своими же руками, не более абсурдна, чем анальный заход солнца¹⁷.

Идеальное совпадение репрезентации и объекта («слепое солнце или солнце ослепляющее — не так важно»¹⁸) последовательно осмысляется в этих ранних работах как прямой взгляд, икарианское столкновение с солнцем, которое довершает опасение, лишь переводя его в регистр невыносимого. В сношении с солнцем, — а убления в нем не больше, чем представления, — субъект и объект сливаются на уровне их глубинной консистентности, демонстрируя (в ослепляющем коитусе), что они никогда не были тем, чем были.

16. *Idem*. Dossier des l'oeil pinéal. P. 14.

17. *Ibid*. P. 28.

18. *Ibid*. P. 14.

По словам Фрейда, бессознательное, как и время, глухо к противоречиям. Есть только первичный процесс (солнце Батая), исключаящийся из оптики вторичного процесса (репрезентация), который на уровне первичного процесса по-прежнему является его продолжением. Это ослепительное сияние неподвластно логике и бесполезно с точки зрения разума, который, опираясь на реальность, стремится расщепить его на части. Либидинальная консистентность, которая нелогически (должна быть) равна солнцу, — это нить Ариадны, опутавшая лабиринт нечистого различия. В начале эссе «Солнечный анус» Батай отмечает:

С тех самых пор, как в мозгах, занятых размышлением, *циркулируют* фразы, развернулась повальная идентификация, поскольку каждая фраза привязывает одну вещь к другой посредством *копул*; и все будет явно связано, стоит только одним взглядом раскрыть во всей целостности прорись нити Ариадны, направляющей мысль в ее же лабиринте¹⁹.

Все человеческие стремления строятся поверх солнца, так же как плотина строится поверх реки. Однако предполагать существование солнечного сообщества в более глубоком смысле — сообщества, взгляд которого был бы прикован к смертоносному ядру солнца, — поначалу кажется невозможным. Разве диалог с «желанием славы, стремлением жить как солнце, *растрачивая свои блага и свою жизнь*»²⁰, не является по сути отрицанием социальной системы? Без сомнений, любая закрытая социальная система уничтожила бы себя, если бы подобралась слишком близко к обжигающему сердцу своей порожденности солнцем и вскрыла бы первичное вытеснение, лежащее в ее основании. Тем не менее сообщество способно сохраняться, сообразуясь с солнцем, при условии, что базовая агрессия сместит дух регуляции расходов, и сообщество сможет обрушиваться на соседей неукротимую ярость. Именно такую тенденцию Батай обнаруживает в цивилизации ацтеков, чей порядок, основанный на жертвоприношении, был увековечен военным насилием. В «Проклятой части» — замечательной работе по солярной социологии — Батай сообщает об ацтеках следующее:

19. Батай Ж. Солнечный анус // Locus Solus. Антология литературного авангарда XX века / Сост. и пер. В. Лапицкого. СПб.: Амфора, 2006. С. 87 (перевод изменен. — Прим. пер.).

20. Он же. Границы полезного. С. 244–245.

Жрецы убивали своих жертв на вершине пирамид. Они укладывали их на каменном алтаре и вонзали им в грудь нож из обсидиана. Они вырезали еще бьющееся сердце и поднимали его к солнцу. Большинство жертв были пленниками, чем оправдывалась необходимость войн для поддержания жизни солнца; смыслом войн было истребление, а не завоевание, и мексиканцы думали, что если бы они прекратились, то солнце перестало бы светить²¹.

За исследованием Батая не стоит попытки оправдать ацтеков или даже объяснить их поведение. В своем прочтении ацтекской культуры Батай пытается показать одно — экономическую интимность, или нить солярного соучастия (*solar complicity*), тень генеалогий, которая преследует каждое сообщество, сплетая его с первобытным звездным корневищем. Неограниченная энергия, принуждавшая ацтеков к описанной выше свирепости, движет и Батаем в его исследованиях, регулируемая аппаратом культуры аккумуляции. Энергетическая траектория, которая рассекает и вгрызается в его нутро, есть раскаленная почва темного причастия, связывающая его со всем, что когда-либо содрогалось на этой Земле.

Именно бессмысленность ужаса ацтекской цивилизации придает ей своеобразную универсальность, ведь именно в нем выражается неизбежный источник движущей силы общества. «Само солнце было в их глазах олицетворением жертвы»²², и свою энергию они расходовали на бесцельную резню, посредством чего претворяли истину солнца на земле. С точки зрения западной культуры их жажда крови может показаться не имеющей оправданий, основанной на нелепых мифах и являющей крайний пример того, как людей может развратить ложь. Если бы ацтекская культура основывалась на произвольной мифологической оптике, то эту позицию пришлось бы принять, но для Батая жажда аннигиляции совпадает с солнцем. Это не желание, обращаемое человеком к солнцу, но сама солнечная траектория, солнце как бессознательный субъект земной истории. Именно из-за непреодолимого солнечного господства «для обыкновенного, непросвещенного сознания солнце — средоточие славы. Солнце сияет; слава представляется такой же светлой и сияющей, как оно»²³, такой, что «параллель между жертвенной гибелью в огне и блеском солнца — это ответ человека на зримое величие Вселенной»²⁴, поскольку «человеческим жертвоприношени-

21. *Он же*. Проклятая часть // Проклятая часть: Сакральная социология. С. 135.

22. Там же. С. 133.

23. Там же. С. 241.

24. Там же. С. 244.

ем знаменуется высший момент противоборства, где реальному порядку и длительности противостоит безмерный размах насилия»²⁵.

В работах Батая со словом «жертвоприношение» постоянно соседствует «трата» (*dépense*). Это слово для него — часть понятийного аппарата так называемой общей, или солярной, экономики — экономики избытка, которую наиболее полно он описал все в той же шероховатой и прекрасной «теоретической» работе «Проклятая часть»: «...излучение солнца отличается односторонним характером: оно *растрчивает себя бескорыстно, безвозмездно. Солярная экономика основывается на этом принципе*»²⁶. Поскольку солнце тратится на нас, не получая ничего взамен, «сумма произведенной энергии всегда превосходит энергию, потраченную на производство»²⁷, а «мы в конечном счете не что иное, как следствие солнца»²⁸. Избыток или излишек всегда предшествует производству, работе, серьезности, обмену и нехватке. Нужды изначально не существует, ее нужно конструировать из изобилия. Первоначальная задача жизни — не производить и не выживать, а потреблять наводняющие потоки богатства — энергии, — которые на нее изливаются. Батай ясно заявляет об этом в следующей строке: «мир... тошнит от богатства»²⁹. Трата, или жертвенное потребление, — не обращение, не обмен и не попытка переговоров, а раскованное расточительство. Оно возвращает энергию на ее солнечную траекторию, высвобождая в ней движение рассеивания, которое земная система, достигшая пика в ограниченных экономиках человечества, моментально останавливает. Сластолюбивое разрушение — единственно возможная цель энергии: всеобщий процесс ликвидации, который может быть приостановлен усилием по накоплению богатства. Апогей этого усилия — капиталистическая буржуазия, но сопротивление лишь временно. В солярной экономике «избыток — колебимая отправная точка»³⁰, и в итоге он должен быть потрачен.

Незамедлительный отказ быть вовлеченным в ничем не сдерживаемый поток изобилия есть противоположность *суверенности*, рабский *différance*, попытка отсрочить неумолимость конечной цели. Пылающее течение энергии расточения обуздывается в интересах того, что призвано преодолеть его: будущее, разорительный класс, моральный ориентир... Энергия ставится на *службу* будущему.

25. Там же. С. 78.

26. Bataille G. *L'économie à la mesure de l'univers*. P. 10.

27. Ibid. P. 9.

28. Ibid. P. 10.

29. Ibid. P. 15.

30. Ibid. P. 12.

У цели, для которой применяется орудие, всегда оказывается тот же смысл, что и у самого применения орудия: ей самой приписывается некая полезность — и так далее. Палка взрыхляет землю, чтобы выросла пшеница, пшеницу выращивают для еды, которую едят для поддержания жизни тех, кто выращивает пшеницу... Самой своей абсурдностью эти бесконечные отсылки показывают, что так же абсурдной была бы и конечная цель, которая не служила бы ничему другому³¹.

Библиография

- Bataille G. Dossier des l'oeil pinéal // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. II.
- Bataille G. L'Archangélique // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. III.
- Bataille G. L'économie à la mesure de l'univers // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. VII.
- Bataille G. La nécessité d'éblouir... // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. II.
- Bataille G. O crâne... // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. IV.
- Bataille G. Soleil pourri // Œuvres complètes. P.: Éditions Gallimard, 1970–1988. Т. I.
- Land N. The Curse of the Sun // Idem. The Thirst for Annihilation: George Bataille and Virulent Nihilism. L.; N.Y.: Routledge, 1992. P. 27–34.
- Батай Ж. Границы полезного // Он же. Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 237–312.
- Батай Ж. Проклятая часть // Он же. Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 109–236.
- Батай Ж. Солнечный анус // Locus Solus. Антология литературного авангарда XX века / Сост. и пер. В. Лапицкого. СПб.: Амфора, 2006. С. 95–101.
- Платон. Государство // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.

31. Батай Ж. Проклятая часть. С. 60.

THE CURSE OF THE SUN

NICK LAND. Editor-in-Chief, ccruoo@hotmail.com.

Urbanatomy Media, 42 Luyuan Road, Bldg 2, 510000 Guangzhou, China.

Keywords: Georges Bataille; solar economy; illumination; black sun; useless waste; incandescence; radiation; solar complicity.

The paper deals with Georges Bataille's theory of a general or solar economy through a step-by-step exploration of the myth of Plato's Cave. The Myth of the Cave brings the sun center stage in philosophy by combining the questions of existence and knowledge with the domain proper to light and the eye. That combination suggests that to grasp the ontology of all things is primarily to see it, to be abandon the vision of a weak eye — an eye which fixes only on shadows (and shadows of shadows) — for that of a powerful (performative) eye whose gaze coincides with the Good (as the main principle of all being). Plato's myth is a narrative about illuminations of the Good (the Sun) that was the first to comprehend the solar economy. The author finds, however, that it misinterprets the key feature of turning to the Sun by regarding it through the logic of a pure unpolluted gaze.

The solar economy does not coincide with the process of illumination but instead detaches from it. It demonstrates that the eye is melted at the point where the true sun begins. The sun then is primarily a black sun, a sun of incandescence rather than of (en)lightenment. Author attempts to conceive a black solar economy that treats illumination as a mere epiphenomenal loop that cannot cancel the inexorable unilaterality of the sun. The solar is the sole and inevitable History which is told by non-human mouths (and one which eludes the all-too-human distinction between the facts of the history and counterfactual stories). This History has a single ultimate and catastrophic finale brought on by the culmination and excess of global waste which annihilates all existing things because it is nothing more than the ontological version of accumulation.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-4-69-78

References

- Bataille G. Dossier des l'oeil pinéal. *Œuvres complètes*, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. II.
- Bataille G. Granitsy poleznogo [La Part maudite]. *Prokliataia chast': Sakral'naia sotsiologiia* [The Accursed Share: Sacred Sociology], Moscow, Ladimir, 2006, pp. 237–312.
- Bataille G. L'Archangélique. *Œuvres complètes*, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. III.
- Bataille G. Léconomie à la mesure de l'univers. *Œuvres complètes*, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. VII.
- Bataille G. La nécessité d'éblouir... *Œuvres complètes*, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. II.
- Bataille G. O crâne... *Œuvres complètes*, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. IV.
- Bataille G. Prokliataia chast' [La Part maudite]. *Prokliataia chast': Sakral'naia sotsiologiia* [The Accursed Share: Sacred Sociology], Moscow, Ladimir, 2006, pp. 109–236.

- Bataille G. Soleil pourri. *Œuvres complètes*, Paris, Éditions Gallimard, 1970–1988, t. I.
- Bataille G. Solnechnyi anus [Lanus solaire]. *Locus Solus. Antologija literaturnogo avangarda XX veka* [Locus Solus. Anthology of XX century's Literary Avant-garde] (ed., trans. V. Lapitsky), Saint Petersburg, Amfora, 2006, pp. 95–101.
- Land N. The Curse of the Sun. *The Thirst for Annihilation: George Bataille and Virulent Nihilism*, London, New York, Routledge, 1992, pp. 27–34.
- Plato. Gosudarstvo [Republic]. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1994, vol. 3.